

"Цянь-сама!"

Внезапно со спины Сайана был слышен знакомый голос, полный беспокойства.

Вскоре после этого была замечена знакомая фигура, бегущая навстречу ему.

Взглянув на сложившуюся ситуацию - Сиан, находившийся на земле, когда мать снова уклонилась от его прикосновения, и Хилльда, Диус и другие горничные, которые собирались уходить, Фирис более или менее могли догадываться, что же произошло.

"Госпожа Хиллде, от имени госпожи Сайан, приношу свои извинения", Фирис глубоко склонила голову перед Хиллде.

"Хм, правда. И ты все еще продолжаешь обращаться к нему как к Сайану?"

"Это... Он больше привык к "Сайану", и..."

"Как я уже говорил, имя Икар подходит ему больше". Он не должен пытаться летать слишком близко к солнцу, он должен оставаться на земле, где он должен быть. А ты, как глупо ты можешь быть, не можешь даже присматривать за маленьким ребенком? Неужели ты так хочешь, чтобы тебя наказали?"

"...я извиняюсь, Хиллде-сама."

"Хм, ты думаешь, извинившись, всё решится? Как мне тебя наказать, интересно?"

Услышав эти слова, Сайан вырвался из своего оцепенения.

Он быстро встал между Хиллде и Фирис.

"Не наказывай Фирис! Это моя вина, поэтому я должен быть тем, кто должен быть наказан!!"

Цянь решительно сказал, как будто протянул стрелковое оружие, чтобы защитить Фирис, которая была позади него.

Глядя на его поведение, Хиллд был в восторге.

"О? Выбирая скромную служанку, а не благородную мать? Что за шутка."

По словам Хиллда, Сайан был удивлен.

"Нет, мама, я..."

"Хватит. Вы все, возвращайтесь. А ты, маленькая горничная, я вычту твою зарплату".

"Спасибо за ваше милосердие, Хиллде-сама."

Фирис быстро подошла к Сайану и поклонилась Хиллде. Этим ее жестом, ошеломленное выражение Сайана было спрятано от Хиллд.

-

"Прости, Фирис! Ты наказана из-за меня!"

Вернувшись в свою комнату, с глаз Сайана упали слезы, когда он крепко схватился за юбку Фирис.

"Нет... вы не должны извиняться за это, Сайан-сама. Скорее, я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы тогда говорили за меня, несмотря на то, что вы стояли лицом к маме, - обняла Фирис и ласкала его затылок, пытаясь успокоить его рыдание.

"Нет, это все моя вина! Фирис совсем не виновата!!!"

Цайан продолжал настаивать, что это его вина, потакая знакомому аромату Фирис.

Успокоившись, Цайан продолжал озвучивать свои мысли.

"Зачем маме это делать, Фирис? Почему она так сказала?"

"Почему она так меня ненавидела? Я что-то сделала не так раньше? Я расстроил ее?"

"Почему я увидел с ней Диусниисаму? И почему я чувствовала, что мамино обращение с ним так отличается от того, как она обращалась со мной?"

"Почему? Почему? Я не понимаю... Скажи мне, Фирис, в чем моя вина?"

Слушая невинный плач Сайана, Фирис задохнулась в горле. Рука, которая похлопывала Сайана по спине, остановилась.

"Нет, ты не сделал ничего плохого, Сайан... сама... Ты совсем не виноват..."

Фирис еще крепче обняла Сайана и попыталась дать ему понять, что он не виноват. Затем, очень низким голосом, она пробормотала себе: "Это все мое..."

"Мм? Фирис, ты что-то сказала?"

Сайан чувствовал, что Фирис что-то говорит, но не мог ясно услышать ее слова, поэтому он посмотрел на лицо Фирис и спросил.

Фирис нежно улыбнулся, потер голову и сказал: "Ничего страшного".

Циана странно освежило после того, как Фирис его уговорила.

Правда, отказ матери причинил ему боль, но почему-то с помощью Фириса ему удалось успокоиться.

Он даже не протестовал против того, что мать критиковала его за то, что он говорил за Фириса, и не видел в этом ничего плохого.

В конце концов, хотя Фирис не был его семьей, он чувствовал себя гораздо ближе к Фирису, который все это время воспитывал его.

Несмотря на то, что они получили наказание от Бориса, который услышал об этом от Хиллде, это не отговорило Циана от попыток сделать все возможное еще раз, чтобы мать увидела его и полюбила его снова. Он старался быть лучшим во всем, что ему давали, до такой степени, что некоторые репетиторы хвалили его за старшего брата.

Однако Циану никогда бы не пришло в голову, что это отбросило назад, и вместо этого он был более внимательно изучен матерью. Даже старший брат начал его больше ненавидеть и издеваться над ним.

Сайан не мог понять, почему и что он должен делать.

Скоро ему исполнилось шесть лет и он дебютировал в благородном обществе, но это его совсем не радовало, хотя его дни рождения никогда не отмечались членами семьи.

В день, когда ему исполнилось шесть лет, родители впервые устроили для него праздник.

Во время праздника родители и старший брат относились к нему очень хорошо. Но по каким-то причинам, Циану показалось, что они не были искренними, так или иначе. Каким-то образом, он чувствовал претенциозность. Но, тем не менее, он все еще глупо надеялся.

Он надеялся, что после этого родители и старший брат будут относиться к нему более тепло, что они позволят ему чаще быть с ними.

После окончания вечеринки он быстро побежал к родителям и старшему брату, чтобы почувствовать, что его не включили в их "семью из трех человек".

Когда он пришел и надеялся, что они поприветствуют его так же, как и то, как они обращались с ним на вечеринке, атмосфера стала неловкой.

Намек на презрение был виден сквозь лицо Хиллда, которое было наполовину покрыто фанатом. Взгляд старшего брата на него был наполнен враждебностью.

Однако, возможно, поскольку глава семьи Хартманов был здесь с ними, Хиллд и Диус не проявили своего вопиющего неприятия.

Тем не менее, Суан был слишком внимателен к выражениям матери и старшего брата, так как он уделял большое внимание и заботился о том, чтобы видеть их насквозь, так как хотел увидеть, был ли он принят или нет. Так что, очевидно, что их небольшие намеки на отказ были видны ему насквозь.

В конце концов, его надежда была полностью разрушена.

У него больше не было духа, чтобы возражать, поэтому Цянь послушно вернулся в свою комнату - в самую уединенную часть дома.

По дороге он пытался сдержать слезы. Он все еще не мог понять, почему его семья относится к нему так?

Он был неудачником? Но его наставники похвалили его... Его близость к магии была также хороша, даже лучше, чем его старший брат...

Только что он видел много других благородных семей. Некоторые были холодными и казались далекими, но он завидовал тем благородным детям, которые, казалось, росли в теплых семьях.

Он с завистью наблюдал, как некоторые благородные дети бросали свои детские истерики и заставляли родителей сладко уговаривать их.

Или тот ребенок, который настаивал на том, чтобы они не уходили от родителей, и вместо того, чтобы ругать их, родители этого ребенка осыпали их любовью.

Он никогда не испытывал особой теплоты и близости со своей семьей.

Разве семья не должна была быть людьми, которые были бы рядом?

Почему это отличалось от того, как семьи изображались в историях?

<http://tl.rulate.ru/book/20864/1011307>